

Е. А. Ермолин

«Рудименты язычества» в народной культуре ярославского Верхневолжья

Автор ставит вопрос о том, как соотносятся в ментальном опыте населения ярославского Верхневолжья рудименты язычества и новые явления однотипного с архаическим язычеством характера. Неоязыческие комплексы в ментальном опыте возникали, очевидно, стихийно, независимо от предшествующей традиции и памяти о ней. Спонтанно зарождались пантеистическое отношение к миру, дуализм, буквализация сакральных явлений, адогматическая аморфность верований, позволявшая безгранично увеличивать число объектов почитания и участников сакральной коммуникации. Часто эта тенденция была связана с попыткой приблизить сакральный мир к здешней реальности, перебросить в иную реальность дополнительные мостки, получить некие гарантии или обещания, в том числе посредством наивной магии. Особый случай и глобальный эксцесс язычества – активизация дуалистических, мироотрицающих представлений, известных по языческой архаике, в новейшее время.

Ключевые слова: рудименты язычества, неоязыческие ментальные комплексы и практики.

E. A. Yermolin

«Paganism Rudiments» in the National Culture of Yaroslavl Upper Volga

The author raises a question how paganism rudiments and new phenomena of the same character with archaic paganism are related to each other in mental experience of Yaroslavl Upper Volga population. Neopagan complexes in mental experience arose, obviously, spontaneously, irrespectively from the previous tradition and memory about it. The pantheistical relation to the world, dualism, literalization of sacral phenomena, adogmatic amorphity of beliefs allowing to increase a number of objects of honoring and participants of sacral communication arose spontaneously. This tendency was often connected with the attempt to make closer the sacral world to local reality, to transfer additional planked footway into another reality, to obtain certain guarantees or promises, including means of naive magic. A special case and a global excess of paganism is activization of dualistic representations known on pagan antiquity, which are denying the world in the latest time.

Keywords: paganism rudiments, neopagan mental complexes and practices.

Шлейф исторической памяти тянется иногда столетиями. Вот так и воспоминания о культурном опыте и практиках язычества хранились в Ярославском крае долго, хотя в формах рудиментарных, на грани потери сакральной значимости явлений. Они – как элемент легитимной статистики – вписывались в застойный мироуклад, являлись стабильной частью ментального миростроя, становились бытовыми привычками и украшающими повседневность обычаями.

Сохранялись следы архаических ритуалов. Так, в Романов-Борисоглебском уезде в случае падежа скота или заразной болезни устраивали опахивание селений. Наблюдатель так описывал действо: «В полночь бабы и девки-векоуши собираются, и двое, в одних рубахах, “открывают неистовое шествие, забыв всякий стыд”, проводят сохой борозду, в то время как прочие верхом на палках, помелах, рогатинах и кочергах скачут и, “завывая отвратительные заклинательные песни”, ударяют в заслонки, вьюшки, сковороды, а в довершение всего приносят жертву, зарывая живьем в землю

черную кошку или черного щенка, черного петуха» [10].

Память об архаических дионисийского типа оргиях хранили деревенские молодежные посиделки. Местные этнографы-любители (А. В. Балов и др.) свидетельствовали, что в старину устраивали гаски: на беседах гасили лучину, и молодежь вступала между собой в свальное совокупление. Кое-где практиковались совместные ночевки парней и девок в бане (к XX в. до физической близости дело доходило редко, обычно просто «играли».)

Распространено было ведовство, колдовство и знахарство. Еще в 1862 г. некая жительница Мологи, как сообщает А. А. Фенютин, была за колдовство привлечена к уголовной ответственности. Вероятно, это хронологически последний случай «охоты на ведьм» в ярославских местах.

Очевидный след архаического язычества на уровне ритуальных практик фиксирует грамота царя Алексея Михайловича архимандриту Горницкого монастыря Ермогену (1655), представленная М. И. Смирновым в его подробном обзоре архаи-

ческих реликтов и причудливых ментальных рефлексов в культуре Переславля-Залесского в XVII в. В ней перечисляются действия, признаваемые языческими. В грамоте шла речь о том, что «умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, и глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми, и от тех сатанинских учеников в православных крестьянах учинилось многое неистовство, и многие люди, забыв бога и православную христьянскую веру тем прелесником и скоморохом последствуя, на безчинское их прельщение сходятца по вечером и во всеночных на улицах и на полях и богомерзских и скверных песней и всяких бесовских игр слушают мужского и женского полу и до сущих младенцев...» Далее перечисляются занятия переславцев: кулачные бои, качели, чародейство и волхование, купание в реках и озерах в «громное гомление», умывание с серебра, вождение медведя, пляска с собачками, бесовские игры на святках («в на вечера Рождества Христова и Василева дни и в Богоявление Господне клики бесовские кличут, коледу, и таусень, и плугу»), – и делается вывод, что этим люди губят душу [11].

Представленный в грамоте список оставляет много возможностей для его интерпретации. Однако очевидно, что в нем фигурируют и восходящие к глубокой древности сакрального характера действия, которые в новых координатах признаются греховными. Пережитками язычества можно считать почитание духов природы и магическую ритуальную практику.

Так, в Пошехонье, как указывает А. Балов, почитали огонь (хотя его архаическая связь с Велем уже не угадывалась). Запрещалось плевать и мочиться в огонь, кидать в него экскременты: нарушителя огонь мог иссушить заживо.

Так же не следовало поступать и с водой, которая довольно повсеместно почиталась как целебное средство, если вступала в связь с высшей реальностью. Чудотворная вода, например, водилась, по сведениям А. Титова, у истока реки Сары в Ростовском уезде (Нагая слобода). В определенные дни полагалось окачиваться водой из здешних источников, а на береговых кустах были развешены полотенца, ленты, платки и шейные крестики.

Характерна и локальная демонология. Ярославцы, по свидетельствам краеведов, весьма часто верили в конкретных «хозяев» места: лешего, водяного, полевика, домового, овинника, банника, русалку, полудницу, кикимору, дворового. Так, кикимора в ментальном опыте, по сведениям А. В. Балова, – старушка, прядущая ночью (мотив прядения напоминает, кстати, о Мокоши, хотя едва ли связан с хотя бы дальней памятью о ней). Она

выщипывала у кур перья на голове, воровала кур. Чтобы избежать этого, в курятнике вешали «куриного бога»: камешек с дыркой или рыльце разбитого глиняного рукомоиника. По сведениям В. Волоцкого из Ростовского уезда, здесь поселялся «дух, покровительствующий курам». Пошехонец А. Балов объяснял, что в оснащенной «куриным богом» курятнике куры отдавались кикиморе на сохранение, посвящались ей – и таких кур она трогать уже не могла. Домовой, по информации А. В. Балова, имеет наружность главы семейства в доме, где живет. Он любит мир и согласие в семье, чистоту и порядок в доме и на дворе. Живет он на чердаке, под печью, в конюшне, в голбце, под шестком или под порогом. «Когда затрещит стена, спрашивают домового: «К худу или к добру?», и домовый отвечает глухим голосом: «К худу» или же «К добру».

В Пошехонском уезде почитали, по А. В. Балову, и деревья. Сквозь дуплистые деревья принимали больных для выздоровления. Близ села Федоринского имелись священные сосны, кору которых грызли мающиеся зубами. У села Ильинского в Лугах была священная роща, куда в Ильин день устраивался крестный ход, на деревьях развешивались лоскутки, производилось гулянье. Существовало поверье, что в день рождения Иоанна Предтечи, 24 июня («на Ивана Купалу»), все деревья и травы могут переходить с места на место и разговаривать друг с другом.

Представление о магической взаимосвязи вещей и явлений рождало веру в приметы. При переходе в новый дом первым во двор пускается петух, а в избу кошка. Без петуха на дворе и скот вестись не будет, а если и будут дойные коровы, то молоко и масло от них получится безвкусным. Кошка первой встретит своего хозяина на том свете (современные этнологи видят в кошке и петухе ритуальных двойников человека).

Распространена была вера в амулеты. Чтобы просыпаться вовремя, нужно было носить на шее куриную косточку-бужатку, а чтобы стать невидимым, носить косточку-невидимку, которую можно было получить, сварив черную кошку и поочередно проверив ее кости, кладя их в рот перед зеркалом: одна из них и будет «невидимкой».

Однако важно отметить и то, что не все прописанные в царской грамоте греховные действия реально были укоренены в ветхом язычестве; вопрос о сохранении простонародными играми архаических следов сакральности остается открытым. Дело в том, что неоязыческие комплексы в ментальном опыте возникали, очевидно, и стихийно, независимо от предшествующей традиции и памяти о ней.

Спонтанно зарождались пантеистическое отношение к миру, дуализм, буквализация сакральных явлений, адогматическая аморфность верований, позволявшая безгранично увеличивать число объектов почитания и участников сакральной коммуникации. Довольно часто эта тенденция была связана с попыткой приблизить сакральный мир к здешней реальности, перебросить в иную реальность дополнительные мостки, получить некие гарантии или обещания, в том числе посредством наивной магии.

Так, в крестьянском доме иконы буквалистски называли «богами»; это рефлекс стихийного многобожия, бесконфликтно соединившегося в народных представлениях с почитанием христианских святых. Пошехонский краевед А. В. Балов писал в конце XIX в.: «Заменяв прежних языческих богов, с принятием христианства, христианскими святыми, наши предки <...> перенесли отчасти на почитание последних языческий культ первых. <...> Не мало следов язычества осталось и в народных верованиях относительно икон чудотворных» [2]. Однако перед нами едва ли рудимент, это скорее самовоспроизводящаяся черта адогматического ментального опыта. Подобным образом амулеты сочетались с ладанками («Носшение амулетов и талисманов весьма распространено. Всего чаще носят на шее ладанки <...> Носшение <...> ладанки считается крестьянами средством, предохраняющим человека от всякого зла вообще, а в частности, от различных болезней» [3]), которые включали и кусочки ладана, и тексты молитв, и кожу змеи, входя в магический контекст повседневной жизни.

Миф о связях умерших с живыми и о явлении душ умерших предков ритуально разыгрывался, по данным Д. К. Зеленина, в ростовском селе Никола-Дудник: в престольный праздник 9 мая здесь устраивалась ярмарка, где продавали детские глиняные игрушки (главным образом – колокольчики и дудки); шум, звон и свист были способом поминания покойников, и ярмарка принимала характер ритуальной тризны, сопровождалась вызыванием умерших как агентов в коммуникации с инобытием.

Представления о живых силах в природе, вступив в соединение с христианскими верованиями, порождали новые мифы аморфно-языческого типа, которым едва ли можно подобрать аналоги в языческой древности Верхневолжья. Явления такого рода, думается, не совсем точно называют (А. Н. Ипатов и др.) «народным / обыденным православием».

Таково, вероятно, почитание Матери Сырой Земли – неязыческий извод культа Богоматери.

Бывало, что Земля и Богоматерь отождествлялись. В Переславль-Залесском уезде в начале 1920-х гг., во время засухи, крестьяне начали колотушками разбивать на пашне комья, что вызвало упреки традиционно мыслящих женщин, говоривших, что они «бьют саму мать пресвятую Богородицу» [12].

Аграрный культ Земли, связанный с представлением о всеобщей жизни, предполагает, что есть единый источник этой жизни – божественное женское начало мироздания.

На землю нельзя плевать. Уезжая надолго, зашивали в ладанку щепоть родной земли. Землей клялись: «Поглоти меня, Мать Сыра Земля, если я лгу» (свидетельство А. В. Балова). В случае неизвестной хвори надлежало «проститься с местом, где почувствовал боль», для чего, встав на месте лицом к востоку, «на девяти вечерних и девяти утренних зорях» трижды сказать: «Прости, мать-сыра земля, в чем тебе я досадил», а после каждого заговора дунуть-плюнуть через правое плечо и поклониться в землю (свидетельство Я. Ильинского из Пошехонского уезда). Если в дороге заболит рука или нога, говорили: «Мать-сыра земля, прости меня, Христа ради: не ты на меня нашла, а я на тебя, без молитвы».

Сближение почитания Божьей Матери и Матери Сырой Земли опиралось и на христианское предание об избрании Божьей Матерью России себе в удел. Русская земля посвящалась Божьей матери и тем самым приобретала сакральный аспект также в качестве конкретной материальной субстанции («почвы»). Почитание Матери-Земли – способ, которым элементарные языческие представления входят в богатый контекст христианской духовности.

Богоматерь представляет идеально-женское начало здешнего мира, а потому культ ее поглощает в себе без остатка натуралистическую религиозность архаики. Характерен переславль-залесский обычай отмечать 23–24 июня праздник Богоматери Купальницы. Богоматерь замещает малоизвестную святую Аграфену (Агриппину Римскую), называемую в народе Купальницей, память которой выпадает на 23 июня, канун дня Рождества Иоанна Крестителя (Ивана Купалы) – 24 июня. В Переславле-Залесском в эти дни Божья Матерь одухотворяет традиционную купальную обрядность мистерийного язычества.

Особый случай и глобальный эксцесс язычества – активизация дуалистических, мироотрицающих представлений, известных по языческой архаике, в новейшее время. Однако он имел глобальный характер, связанный со специфическим мифопроизводством эпохи, с внедряемой в чело-

веческий опыт идеологией и ее конкретными проявлениями-рефлексами [5] и характеризуется специфическими, но универсальными практиками массовых оргий с переворачиванием/выворачиванием наизнанку традиционной бытийной логики. Чисто местные практики здесь трудноуловимы.

Библиографический список

1. Балов, А. «Куриный бог» [Текст] / А. В. Балов // Живописная Россия. – 1903. – № 130.
2. Балов, А. Следы древних верований в народном иконопочитании [Текст] / А. В. Балов // Живая старина. – 1890. – № 3. – С. 218–222.
3. Балов, А. Очерки Пошехонья. Верования [Текст] / А. В. Балов // Этнографическое обозрение. – 1901. – № 4. – С. 81–134.
4. Дерунов, С. Я. Из русской народной космогонии [Текст] / С. Я. Дерунов // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. – М. : Левенсон, 1889. – Вып. 1. – С. 324–333.
5. Ермолин, Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930 гг. [Текст] / Е. А. Ермолин. – Ярославль : Изд-во Ярославского пед. ун-та, 1996. – 141 с.
6. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки [Текст] / Д. К. Зеленин. – М. : Индрик, 1995. – 438 с.
7. Ильинский, Я. Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда [Текст] / Я. Ильинский // Живая старина. – 1896. – Вып. 2. – С. 226–241.
8. Киселев, А. В. Формирование и развитие традиционных религиозных представлений русского населения Верхнего Поволжья в XIX–XX вв. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алексей Валерьевич Киселев. – Ярославль, 2003. – 321 с. РГБ ОД, 61 03–7/852-X
9. Костоловский, И. Из народных суеверий, примет и обычаев Еремейцевской волости Рыбинского уезда [Текст] / И. Костоловский // Этнографическое обозрение. – 1901. – № 3. – С. 129–139.
10. Орлов, У. Из области предрассудков и суеверий, преимущественно существующих в Романово-Борисоглебском уезде [Текст] / У. Н. Орлов // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1889. – № 42.
11. Смирнов, М. И. «Воровские письма» (Из быта и нравов XVII ст.) [Электронный ресурс] / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительского Общества ПЕЗАНПРОБ. – Переславль-Залесский, 1919. – № 6. – URL: <http://pki.botik.ru/books/pezanprob-dkl-06.pdf>
12. Смирнов, М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде [Текст] / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. – Переславль-Залесский, 1927. – Вып. 1. – С. 1–68.
13. Фенютин, А. Заметки о нравах жителей города Мологи [Текст] / А. Фенютин. – Ярославль : Б. и., 1863. – 5 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Balov, A. «Kurinyi bog» [Tekst] / A. V. Balov // Zhivopisnaia Rossiia. – 1903. – № 130.
2. Balov, A. Sledy drevnikh verovaniy v narodnom ikonopochitanii [Tekst] / A. V. Balov // Zhivaia starina. – 1890. – № 3. – S. 218–222.
3. Balov, A. Ocherki Poshekhon'ia. Verovaniia [Tekst] / A. V. Balov // Etnograficheskoe obozrenie. – 1901. – № 4. – S. 81–134.
4. Derunov, S. Ia. Iz russkoi narodnoi kosmogonii [Tekst] / S. Ia. Derunov // Sbornik svedenii dlia izucheniia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii. – M. : Levenson, 1889. – Vyp. 1. – C. 324–333.
5. Ermolin, E. A. Materializatsiia prizraka. Totalitarnyi teatr sovetских massovykh aktsii 1920–1930 gg. [Tekst] / E. A. Ermolin. – Iaroslavl' : Izd-vo Iaroslavskogo ped. un-ta, 1996. – 141 s.
6. Zelenin, D. K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoiu smert'iu i rusalki [Tekst] / D. K. Zelenin. – M. : Indrik, 1995. – 438 s.
7. Il'inskii, Ia. Svadebnye prichety, detskie pesni i pr., zapisannye v Shchetinskoi, Khmelevskoi i Melenkovskoi volostiakh Poshekhonskogo uезда [Tekst] / Ia. Il'inskii // Zhivaia starina. – 1896. – Vyp. 2. – S. 226–241.
8. Kiselev, A. V. Formirovanie i razvitie traditsionnykh religioznykh predstavlenii russkogo naseleniia Verkhnego Povolzh'ia v XIX–XX vv. [Tekst] : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / Aleksei Valer'evich Kiselev. – Iaroslavl', 2003. – 321 s. RGB OD, 61 03–7/852-X
9. Kostolovskii, I. Iz narodnykh sueverii, primet i obychaev Eremetsevskoi volosti Rybinskogo uезда [Tekst] / I. Kostolovskii // Etnograficheskoe obozrenie. – 1901. – № 3. – S. 129–139.
10. Orlov, U. Iz oblasti predrassudkov i sueverii, preimushchestvenno sushchestvuiushchikh v Romanovo-Borisoglebskom uезде [Tekst] / U. N. Orlov // Iaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naia. – 1889. – № 42.
11. Smirnov, M. I. «Vorovskie pis'ma» (Iz byta i nravov XVII st.) [Elektronnyi resurs] / M. I. Smirnov // Doklady Pereslavl'-Zalesskogo Nauchno-Prosvetitel'skogo Obshchestva PEZANPROB. – Pereslavl'-Zalesskii, 1919. – № 6. – URL: <http://pki.botik.ru/books/pezanprob-dkl-06.pdf>
12. Smirnov, M. I. Kul't i krest'ianskoe khoziaistvo v Pereslavl'-Zalesskom uезде [Tekst] / M. I. Smirnov // Trudy Pereslavl'-Zalesskogo istoriko-khudozhestvennogo i kraevednogo muzeia. – Pereslavl'-Zalesskii, 1927. – Vyp. 1. – S. 1–68.
13. Feniutin, A. Zametki o nravakh zhitelei goroda Mologi [Tekst] / A. Feniutin. – Iaroslavl' : B. i., 1863. – 5 s.